

О ЯЗЫКЕ ДРЕВНИХ ПЕРМЯН*

А.С. Лобанова, *Институт гуманитарных исследований УрО РАН,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет*

Для цитирования:

Лобанова А.С. О языке древних пермян // Вестник Пермского федерального исследовательского центра. – 2025. – № 2. – С. 47–56. <https://doi.org/10.7242/2658-705X/2025.2.5>

Статья обзорного типа посвящена отдельным аспектам возникновения, развития и современного состояния коми-пермяцкого языка. В работе затронуты вопросы возникновения этнонима *коми-пермяк*, показаны источники проникновения иноязычных слов в исследуемый язык. Определена важность образнообразительных слов при обозначении звуковых и ассоциативных образов.

В статье кратко отмечены способы реализации представлений пространства и времени грамматическими средствами языка: развитой падежной и послеложной системами, грамматическими формами прошедшего времени.

В работе представлена попытка объяснения, как коми-пермяцкий язык приспособился к отсутствию в нем довольно обычных абстрактных слов.

Образность и символизм, активно реализующиеся высоко мотивированными лексемами, продемонстрированы на примере образа мухи (*гут*), когда устойчивые слова и выражения воспринимаются всеми носителями коми-пермяцкого языка в понятной смысловой нагрузке и не нуждаются в комментариях и уточнениях.

Развитие современного коми-пермяцкого языка связано с тенденциями сокращения слова, дальнейшим развитием падежной системы, изменениями грамматических форм наречий и так далее.

Ключевые слова: *коми-пермяцкий язык, этноним, ассоциативная образность, мотивационный признак.*

Пермянами вполне логично называть современных коми-пермяков, ведь этот народ *пермянами, пермяками, пермичами* представители других этносов называли не одно столетие [3, 60-61].

Впоследствии, в 20-е годы XX столетия, с образованием Коми-Пермяцкого национального округа (1925) возник

составной этноним *коми-пермяк*. Получается, что этот последний вариант, официально закрепившийся за коренным этносом Прикамья, относительно происхождения самой народности является довольно молодым. Первый компонент *коми* следует считать самоназванием народа [10, 55-60], а второй показатель

* Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект РНФ №24-18-20015 «Коми-пермяки в языковом и этнокультурном пространстве Прикамья»).

пермяк – внешним названием. «Надо признать, сами себя коми-пермяки до сих пор называют коми, но при этом с родственным по языку и культуре народом, проживающим в Республике Коми, идентификации, единства не ощущают: они иные, они живут в Сыктывкаре, а мы – в Кудымкаре. Исключение составляют язывинские коми-пермяки и зюздинские коми-пермяки, их этническая самоидентификация на современном этапе связана с термином *пермяк*» [9, 404].

В многонациональной России немного этнонимов, в составе которых было бы одновременно и самоназвание, и внешнее наименование. Любой народ своим самоназванием очень четко демонстрирует оппозицию «моё – чужое», поэтому старается сохранить свое обозначение и отказаться от чужого. Так произошло с внешними этнонимами *вотьяк* (совр. удмурт), *остяк* (совр. хант), *вогул* (совр. манси), *черемис* (совр. мари) и др., которые не утвердились в среде названных народов. Так называемые устаревшие этнонимы сохранились только в названиях географических объектов, указывая, люди какой национальности занимали эти места в прошлом: *Вогулка* – название реки, притока Сылвы; а также в устойчивых сравнениях и фразеологизмах, как правило, с отрицательной коннотацией. Например: куд-иньв. *дыш вогув* в зн. «о ленивом мужчине» (букв. «ленивый вогул»), куд-иньв. *вогув кодъ* в зн. «о ленивом мужчине» (букв. «как вогул»), куд-иньв. *овё кыдз вогув* в зн. «живет одиноко» (букв. «живет как вогул») и др. Устойчивые выражения семантически привязаны к понятию «мужчина», что тоже является весьма показательным, ведь большинство этнонимов своей этимологией связаны с мужчиной, самцом, продолжателем рода.

В появлении составного наименования *коми-пермяк* были задействованы как

исторические условия, так и политическая составляющая того времени. Считаем, что сегодня уже не стоит менять в какую-либо сторону обозначение этноса.

Язык современных коми-пермяков своими корнями уходит в глубокое прошлое: самостоятельным он (язык) стал только после распада общекоми периода (не позднее XI столетия): «предки коми быстро расселились среди дремучих лесов бассейна Северной Двины и Мезени, – с одной стороны, и бассейна средней и верхней Камы – с другой, в связи с чем прекратилась между отдельными территориально разрозненными частями коми народа та тесная связь, которая необходима для протекания единых процессов в языке» [12, 25]. Известный финно-угровед В.И. Лыткин в учебнике для вузов «Коми-пермяцкий язык» (1962) утверждал, что «окончательное сложение коми-зырянских языковых особенностей, с одной стороны, и коми-пермяцких, с другой, нужно отнести к более позднему времени – к XIV – XV вв.» [6, 26]. Однако «ростки» языка, особенно его фундамент – грамматика – были заложены ещё в прауральское время (не позднее IV тыс. до н. э.) [14, 397-409]. Агглютинативный морфологический тип, развитая падежная система, отсутствие грамматической категории рода и отсутствие согласования определения с определяемым словом, одна форма склонения и спряжения, наличие послеложной системы – вот немногие признаки грамматики, ставшие общими практически для всех современных финно-угорских языков.

В мире нет ни одного языка, в котором бы не было заимствований: продолжительные контакты между народами, соседние территории – всё это становится причиной возникновения иноязычных слов в языке.

Когда заимствуются предметы быта, орудия труда, элементы животноводства и земледелия, кулинарные традиции и т.д., перенимаются и их наименования. Безусловно, при этом происходит адаптация слова под новые языковые реалии.

Этимологический анализ слов, функционирующих в речи коми-пермяков, позволяет утверждать, что в этом языке является несколько пластов заимствований. В прафинно-угорский период проникли отдельные слова из праиндоевропейского языка, в прапермский период – продолжились заимствования из иранского языка и из древнеболгарского языка, в общекоми период проникли слова из вепсо-карельских языков, в собственно коми-пермяцкий период – из русского языка.

Считается, что в коми-пермяцком языке (также, как и в удмуртском и коми-зырянском) слов иранского происхождения более полусотни: *нянь* «хлеб», *сур* «пиво», *кӧрт* «железо», *зарни* «золото», *вурун* «шерсть», *пурт* «нож», *зӧр* «овёс», *дас* «десять», *ӧшка* «бык», *меж* «баран», *рӧм* «цвет» и др.

Получается, что прапермяки интересовали предметы, связанные с земледелием и животноводством, металлами, бытовой утварью, пищей; заимствованию подверглись даже отдельные числительные и абстрактные понятия.

Часть иранских слов активно употребляется в современной речи коми-пермяков, часть – перешла в пассивный словарный состав, а что-то сохранилось только в устойчивых выражениях: *не ыж не меж* (букв. «не овца и не баран») в значении «о чем-то непонятном, несуразном».

С XI-XII столетий транслятором и источником заимствованных элементов становится русский язык. Сегодня можно изучать многие фонетические процессы северорусских говоров, так как именно язык коми-пермяков их сохранил. Хроно-

логическую последовательность проникновения русских лексем определяют по имеющимся в прошлом фонетическим особенностям русского языка, которые оставили «следы» в заимствованном варианте. Так, к самым древним относят, например, слово *чась* «чаша» (< др.-рус. ч'аш'а), в котором отражается мягкое звучание древнерусского [ш'], к XIV веку этот согласный имел уже твердое звучание. Слово *чась* сегодня изредка встречается в значении «поварешка».

Древним заимствованием является слово *челядь* «дети», поскольку в нем не наблюдается переход [а] в [е] в положении между двумя мягкими согласными. А вот варианты *преник*, *память*, *опеть* и др. относятся уже к XVI столетию, когда в русских говорах происходило обозначенное выше фонетическое явление: '[а] > [е]' (др.-рус. пр'ан'ик > пр'ен'ик > кп. прен'ик). В следующем столетии данное фонетическое явление в русских говорах прекратилось, а с этим перестали наблюдаться и звукопереходы в заимствованиях, проникших в язык коми-пермяков. Получается, что слова *дядя*, *няня*, *зять* и др. проникли в коми-пермяцкий язык не ранее XVII столетия.

На современном этапе наблюдается очень сильное влияние русского языка на речь коми-пермяков: от освоения «чужих» звуков до незначительных сдвигов на уровне грамматики. Наши наблюдения позволяют утверждать, что заимствование иноязычных элементов, по всей вероятности, каким-то образом связано с внутренними процессами языка-реципиента, поскольку утверждение, что слова заимствуются только вместе с какими-либо новыми для этноса вещами и новыми понятиями, уже не актуально. «У каждого языка в наличии масса собственных номинативных возможностей, способных обойтись без большого количества заимствованных элементов. Более того,

зачастую русский вариант вытесняет исконный и становится более употребителен и продуктивен, нежели первичный, более привычный компонент (или слово). Так, к настоящему моменту практически вытеснены исконные коми-пермяцкие лексемы *акань* «кукла», *õмидз* «малина», *дзоридз* «цветок», *дон* «цена» и др. Русский вариант стал более употребительным и востребованным» [8, 148].

Какой он, язык коми-пермяков сегодня? В зависимости от различных лингвистических факторов (фонетических, лексических, грамматических) можно обозначить много интересных моментов. Язык природы, он то может звучать мягко и почти певуче, то способен показать резкость и твердость. В силу своих фонетических особенностей, когда слово начинается только с одного согласного или гласного звука, коми-пермяцкая речь плавная, не «стреляющая»; мягкость речи придает и отсутствие резкого выделения ударного слога. Практически равномерное использование гласных и согласных звуков еще в большей степени усиливает приятное впечатление от речи.

Шум леса и шелест травы, журчание ручья, звуки живой природы – все эти составляющие реализуются совершенно необычными изобразительными словами, которым нет эквивалента в русском языке, которые практически непередаваемы. Это явление, скорее всего, тоже вполне объяснимо. Коми-пермяк никогда не жил в крупном поселении, зато его окружали и были постоянными спутниками представители флоры и фауны, чьи свойства и качества он знал; природа и природные явления, звуки которых человек слышал и переносил в свою речь, способствовали появлению обширного лексико-грамматического пласта под названием *звукоизобразительные слова*. Попробуем на небольших примерах показать специфику этой группы слов. Так, лай собаки

коми-пермяк может передать несколькими изобразительными словами: *ав*, *ав-ав*, *тяв*, *тяв-тяв*, *ляв*, *ляв-ляв*, *люв-ляв*, *вув*, *вув-вув* и др. Эти слова, состоящие всего из нескольких звуков, способны передавать громкость лая, его продолжительность, возраст собаки. Пример из рассказа Василия Климова «Вештісис»: *Бобик сідз лōгасис зоночка вылō, что пōрись пон моз мōдїс горōтны «ув-вув», да сēравно петїс «тяв-тяв»* («Бобик так обозлился на мальчика, что хотел крикнуть, как старая собака «ув-вув», но все-равно вышло по-щенячьи «тяв-тяв»») [4, 54]. Отметим, что большинство изобразительных слов легко переходит в изобразительные глаголы со всеми грамматическими признаками (*вувтны* в зн. «громко лаять (о взрослой, крупной породы собаке)»); *лявнитны* в зн. «один раз и негромко гавкнуть (о мелкой породе собак)». Изобразительные слова любят компонент *керны* «делать» (*ляв керны* в зн. «один раз негромко гавкнуть»).

Человек, наблюдая за собой и своими близкими, отмечал, как он пьет, ест, спит, говорит – все это тоже мог реализовать изобразительными словами, сравните: *гульк* в зн. «громко что-либо глотнуть»; *гультым-гальтым* в зн. «долго и громко пить»; *дзурс* в зн. «пить громко; выпить все, что было», *чипыи* в зн. «коснуться губами до питья, пить брезгливо» и др. Одним словом, коми-пермяцкий язык сформировал значительный пласт слов, а впоследствии и производных от них глаголов, реализующих самые разные звуковые и ассоциативные образы народного сознания.

В грамматической системе языка закрепились многие особенности языковой ментальности. Так, параметры локальности в коми-пермяцком языке реализуются довольно развитыми падежными и послеложными системами, производными наречиями. Значительная часть падежей

реализует семантику ориентации в пространстве: *керкуё* «во внутрь дома», *керкуёдз* «до дома, не проникая внутрь дома», *керкуись* «изнутри дома», *керкуын* «внутри дома», *керкуёт* «по дому», *керкусянь* «от дома, с наружной части» и др.

С помощью пространственных послелогов, обязательно имеющих падежный показатель, коми-пермяцкий язык способен детально описать то, как действие протекает на поверхности предмета (*керку вылын* «на поверхности дома»), под ним (*керку увтын* «под домом»), около него (*керку дынын* «около дома»), сбоку (*керку бокын* «рядом с домом»), вокруг (*керку гөгöрын* «вокруг дома») и т.д. К этим лексико-грамматическим нагрузкам можно добавить грамматические значения числа и лично-притяжательности и реализовать все эти значения в составе одного послелога: *керку боккезам* «рядом со сторонами моего дома». Одним словом, для носителей коми-пермяцкого языка очень важны аспекты места, где происходит действие.

Немаловажным для коми-пермяка является обозначение времени. Время, или темпоральность, в анализируемом языке реализуется несколькими способами. Наибольший интерес вызывают многочисленные грамматические формы прошедшего времени: прошедшее очевидное время, когда субъект был свидетелем произошедшего действия (*сёйин* «ты ел(а) при мне, я видела это действие»); прошедшее неочевидное время, когда субъект не видел, как проходило действие (*сёйöмат* «ты, оказывается, ел(а), а я не видела этого»); прошедшее длительное (*сёян вöлі* букв. «ты ешь было»); прошедшее завершённое (*сёйöмат вöлі* букв. «ты, оказывается, ел было»); прошедшее незавершённое (*сёйин вöлі* букв. «ты ел было»). Когда к этим формам прошедшего времени добавляются суффиксы, обозначающие способы протекания дей-

ствия, указывающие на однократность действия, многократность, мгновенность, завершенность и т.д., получается очень привычная для коми-пермяка, но непонятная для человека другой лингвистической принадлежности грамматическая форма, типа: *сёйöв-керлывлöмась* в зн. «они, оказывается, ели подолгу и много раз». Одной лексической единицей коми-пермяк передает значение действия – «есть, принимать пищу», а также, что это действие во временном плане протекало долго, что оно проделывалось много раз, что я не была свидетелем этого действия (я не видела), что это действие совершали несколько лиц. Вот такая семантически нагруженная форма обычного слова. Здесь следует отметить, что подобным образом устроена грамматическая языковая ментальность у всех носителей агглютинативных языков, следовательно, такая система присуща всем финно-угорским языкам, а заодно и тюркским (татарскому, чувашскому и др.) языкам. На грамматическом уровне (с помощью суффиксов и аналитических форм прошедшего времени) язык реализует такие важные для коми-пермяка аспекты, как видела я это действие или нет, оно завершилось или нет, действие длилось долго или нет.

При этом коми-пермяцкий язык не знает категории рода, в нем нет предлогов, он совсем не любит союзы (практически все заимствованы из русского языка). Вот почему освоить эти грамматические категории русского языка является для носителя очень сложным процессом.

Коми-пермяцкий язык не особо нуждается в абстрактных словах. Считается, что они (абстрактные слова) возникли значительно позже конкретной лексики: «появление слов с абстрактной семантикой в истории языка свидетельствует о формировании абстрактных понятий

в сознании людей» [7, 4]. Семантические составляющие с такими значениями, как симпатия, нежность, репутация, такт, сочувствие, авторитет, популярность и т. д. в языке практически не реализуются, во всяком случае, средствами родного языка. Субъективно-абстрактная семантика, часто коммуникативно-абстрактная семантика таких лексем сегодня активно передается заимствованными словами и выражениями. Допускаем, что отчасти язык стал передавать абстракцию возникающими многозначными словами. Так, слово *tödčana* «понятный, знакомый» сформировало дополнительное значение с семантикой «известный, популярный». Полагаем, что этот вакуум язык стал заполнять и устойчивыми сравнениями и фразеологизмами. Например: *бордтём рака моз пукавны* в зн. «быть обиженным, оскорблённым» (букв. «бескрылой вороной сидеть»); *виа блинён видзётны* в зн. «ласково смотреть» (букв. «масляным блином смотреть»); *осьта ёмакодъ* в зн. «о рассеянном, невнимательном человеке» (букв. «похож на полоротого») и др. Иногда жесты и мимика вполне могут стать эквивалентами отсутствующего слова в языке.

Одним словом, несмотря на единство законов логики и познания мира, народы обладают своим национально-специфическим «видением мира», и каждый по-своему отражает в языке окружающую его действительность. В этом плане очень интересна и многоаспектна лексическая составляющая коми-пермяцкого языка. Национальные стереотипы и культурные коды раскрываются высоко мотивированными лексемами, а они «спрятаны» в устойчивых сравнениях, фразеологизмах, в словах, содержащих вторичную ассоциацию, другими словами, в коннотатированных лексемах и иных национальных паремиях.

Высоко мотивированная лексика позволяет использовать древние (исконные и заимствованные) слова в новых семантических ситуациях. Это больше связано с этнолингвистикой – с интереснейшим направлением современного коми-пермяцкого языкознания. В исследуемом языке высокой мотивированностью обладают наименования флоры и фауны, наименования родственных отношений, некоторые обозначения бытовых предметов, одежды и обуви и т.д.

Раскрыть подробно в одной статье даже один образ, характеризующийся богатым символизмом, довольно сложно, а вот показать отдельные моменты, связанные с дополнительными ассоциациями от конкретного слова, – вполне реально. Остановимся на образах насекомых, попытаемся кратко раскрыть несколько мотиваций 1-2 из них. Для начала следует сказать, что носители коми-пермяцкого языка не затрудняли себя словесно обозначить весь богатый мир насекомых: в языке функционирует всего около 60 наименований, связанных с этим миром. Это говорит о том, что «роль насекомых в суровых уральских условиях была значительно меньше роли растений, чаще они выступали в качестве паразитов человека и животных или вредителей сельского хозяйства. В других случаях они мало интересовали человека, поэтому язык коми-пермяков не «усердствовал» в фиксации многообразного мира насекомых» [8, 49].

Как отмечает Е.Л. Березович, с точки зрения когнитивного генезиса подобная символическая избирательность этнокультурной информации «связана скорее с работой чувственно-эмпирического мышления, нежели рационально-логического» [1, 9]. Отличительной чертой коми-пермяцких наименований насекомых при возникновении ассоциативных образов является практически отсутстви-

ющая гендерная привязка, что исключено при подобной ситуации в русском языке.

Образы насекомых в народной языковой картине мира коми-пермяков представлены довольно неравномерно. Символически более «нагружены» черань «паук», гут «муха», той «вошь», серёв «гнида», бабыв «бабочка», енкую «божья коровка» [9, 175-176]. Минимум фразеологических образований и слабая репрезентативность в фольклорной и обрядовой традиции связана со следующими насекомыми: как моль (скөр), стрекоза (юрсигусь), клещ (льөмтой) и др. У некоторых из них могут вообще отсутствовать семантические дериваты: пытиш «блоха», чирскан «кузнечик» и др.

Пчела (мош) и шмель (балямош) коми-пермяками воспринимаются как близкие, идентичные насекомые – в коннотативном аспекте находятся между активными и пассивными объектами. Такая неравномерность определяется разными факторами: степенью вовлеченности насекомого во взаимодействие с человеком, с его значимостью и качествами, и др.

Пчела (мош), «чистое» насекомое с высоким символизмом в русской лингвокультурологии, в сознании коми-пермяков так не характеризуется, хотя отдельные схожие мотивы все же встречаются. Пословица *Бур мортсё и мош оз чушкав* «Доброго человека и пчела не жалит» реализует лишь мотив опасности пчелы.

Душа человека, особенно ушедшего в иной мир недавно, часто символизируется ассоциируется с образом пчелы или шмеля. Вот как это транслируется в представленном контексте: ... *думаэсё дзугис балямош: пондiс лэбавны-йöктыны чужöм одзас, бытьтö видзöтiс синнэзас да мöдiс тöдмавны, мый пусьö мортыс юрын, нето висьтавны-торйöтчыны ас-лас горейн, кöда сыкöт аркмис часöт Догадайтчис Олявка: мошыс, поди, как*

раз бабöлön душамыс и эм и вовлiс прощай-тчыны Губляныскöт? Висьтавлiсö тай: Савыркиннэс — балямош увтыр... («Мысли прервал шмель: стал летать-плясать перед лицом, словно смотрел в глаза и хотел узнать, что творится в голове у человека, или рассказать-поделиться своим горем, которое сейчас произошло ... Догадалась Олявка: пчела, может, как раз и есть душа бабушки и приходила сейчас прощаться с Губляном? Говорили ведь: Савыркины – из рода шмеля») [3, 384].

Считается, что коми-пермяцкие наименования флоры и фауны до принятия христианства были основным источником именования человека, впоследствии они (наименования) перешли в родовые прозвания и довольно долго оставались в активном употреблении. Вот откуда в данном контексте появляется упоминание о роде шмеля.

Поскольку пчелы обитают в организованном сообществе, на них часто переносят социально-ролевые функции человека (антропоморфный потенциал). Метафоризация образа жизни пчелы, как уже отмечалось выше, очень активна в русской лингвокультурологии, но практически не представлена в языке коми-пермяков. Тем не менее, художественные тексты изредка подобную мотивацию демонстрируют: *Кытиöм сiя хозяйка, кöдалön öмас ва кымöма? Асныртöм инькайт дзик дуб нянь. Семьяат инькаыс, батя, мош матка туйö* («Какая она хозяйка, у которой вода во рту замёрзла? Отсутствие характера у женщины – словно хлеб без соли. Женщина в семье, уверяю, как пчелиная матка») [2, 163]. Возможно, изредка встречающиеся в языке образы пчелы или шмеля возникли под влиянием иной язычной культуры.

Совсем иначе представлен в языке образ мухи (гут). Многочисленные устойчивые выражения и сравнения с компонентом «муха» символизируют

назойливость и надоедливость, слабость и незащищенность, умение прятаться, быть незаметной. Большое значение во фразеологизмах имеет ее небольшой размер. Приведем несколько примеров с компонентом *гут* «муха». Так, навязчивость человека отметят устойчивым сравнением *кыдз гут*, букв. «как муха». По семантической нагрузке – надоедливости, навязчивости – близко и выражение *синё пыран гут кодь*, букв. «как в глаз залетевшая муха».

О физически слабом человеке скажут: *сийё гутыс борднас вештас*, букв. «его муха своим крылом зашибет».

О неспособности выпить (чаще спиртных напитков) в больших количествах часто заявляют следующим образом: *гут мымда юны* «как муха выпить».

О возможностях быть незамеченным также говорят, используя образ мухи: *кыдз гут дзебсисыны*, букв. «как муха спрятаться».

Слабость и беспомощность насекомого реализуются в выражении *кыдз гутёс вийны*, букв. «как муху убить».

Об исчезновении кого-либо в языке существует выражение *гут помойё вёйис*, букв. «муха в помоях утонула».

В коми-пермяцком языке широко употребительны и кальки из русского языка с данным компонентом, ср.: *гутсис слонёс быдтыны*, букв. «из мухи слона вырастить (воспитать)»; *гут лэбзьё и кылё* – «муха летит и слышно».

Образ мухи встречается в пословицах и поговорках: *И гутыс тыртё кынёмсё*, букв. «и муха набивает брюхо». Выражение напоминает о том, что каждому живому существу необходима пища, еда.

В культуре народа наблюдается следующая примета: *Гут шыдё пырас – шуд одзын*, букв. «муха в суп залетела – к счастью». Она не демонстрирует семантику брезгливости, нечистоплотности, что можно было бы наблюдать в подобной ситуации в русской лингвокультурологии.

Считается, что мухой можно посадить человеку икоту (шеву).

Душа человека, по представлениям коми-пермяка, также чаще связана с образом мухи или бабочки. Вот почему существуют определенные запреты и предписания. Например, нельзя убивать муху, появившуюся в доме в день поминок или ожившую в доме зимой: душа покойного пришла.

Таким образом, внешние особенности мухи, её физиологические качества были замечены человеком и перенесены в образные выражения родного языка. Мотивационные признаки назойливости, надоедливости, беспомощности, небольшие размеры и иные признаки вполне успешно реализуются в речи коми-пермяков. Лингвистические материалы и культурологические предпочтения также демонстрируют, что два соседних народа, коми-пермяки и русские, на это не совсем приятное насекомое смотрят и находят как общие мотивационные признаки, так и различные, каждый из них имеет сугубо индивидуальные предпочтения.

Современный коми-пермяцкий язык довольно неоднороден. Диалектное многообразие – выделяется четыре наречия с многочисленными диалектами – дает повод удивляться: «...как на такой относительно небольшой территории могло возникнуть такое разнообразие ареальных языковых особенностей. Причем при тесном контакте диалекты полностью не ассимилируются соседними, наиболее крупными диалектами, а продолжают оставаться индивидуальными, самостоятельными; хотя определенное влияние со стороны соседей, конечно, испытывают. Сами носители ареальных особенностей проводят четкую идентификацию: говорит как я – говорит иначе» [9, 405].

Основные тенденции, присущие языку коми-пермяков сегодня, связаны, в первую очередь, с сокращением слова: выпадению

подвергаются конечные гласные (ср. *мундма* и *мундм* «он (она) ушёл (ушла), оказывается»; *эгд локтд* и *эг локтд* «мы не пришли»), наблюдается стяжение суффикса (ср. *чышкдттэн* в м. *чышкдттэдэн* «полотенцами»); выпадению подвергаются и согласные *й, в, з, л* звуки (ср. *ваис* в м. *вайис* «он (она) принёс (принесла)»; *сетаа* в м. *сетава* < сетала «я раздаю» и др.).

В коми-пермяцком языке продолжает развиваться падежная система: серийные послелогии с основой на *выл-* активно переходят в падежные формы, образуя серию внешнеместных падежей: ср. лит. *пызан* *вылын*, диал. *пызанвын* или *пызанлын* в зн. «на поверхности стола» (внешнеместный падеж); лит. *пызан* *вылд*, диал. *пызанвыд* или *пызанылд* в зн. «на поверхность стола» (внешнеместный вступительный падеж).

Противоположные явления наблюдаются в употреблении наречий: эта часть

речи в коми-пермяцком языке принимает дополнительные формы, которые чаще всего не имеют никаких грамматических нагрузок, например, наречие *эстдн* «здесь» в диалектах и говорах употребляется в следующих формах: *эстднка*, *эстднкан*, *эстднкана*, *эстднын* и др. В последнем примере наблюдается редупликация суффикса местного падежа.

Таким образом, развитие и состояние коми-пермяцкого языка, безусловно, зависит от количества его носителей, но при любом составе говорящих на нем людей, язык будет развиваться, эти изменения будут касаться всех уровней языка. Одновременно с этим следует сказать, что лингвокультурологические материалы объективно демонстрируют воспроизводимость знаний и народного опыта и являются объективной реализацией наивной картины мира этноса.

Библиографический список

1. Березович Е.Л. Язык и традиционная культура. М.: Индрик, 2007. – 600 с.
2. Климов В.В. Ограв, ограв // Пармалдн шыэз. Бдйдм коми-пермяцкдй проза. (Голоса Пармы. Проза на коми-пермяцком языке) Кудымкар, 1997. – С. 161–167.
3. Климов В.В. Избранное. Кудымкар, 2017. – 408 с.
4. Климов В.В. Вештдсис // Куськодс – Яшалдн козин. Учдт велдтчдссез понда стиххез, рассказзэз, сказказз. (Куськодс – Яшин подарок. Стихи, рассказы, сказки для младшего школьного возраста на коми-пермяцком языке) Кудымкар, 1985. – С. 52–54.
5. Корчагин П.А. Пермские, пермяки, пермичи.. Кто? Где? Когда? // Вестник Пермского федерального исследовательского центра. – 2020. – № 3. – С. 60–79.
6. КПЯ – Коми-пермяцкий язык. Введение, фонетика, лексика и морфология: учебник для высш. учеб. заведений. / под ред. и при соавторстве В.И. Лыткина. – Кудымкар: Коми-Пермяцкое книжное издательство, 1962. – 340 с.
7. Кречетова А.Н. Словообразовательные модели абстрактных существительных в русском и английском языках. Магистерская диссертация. Томск, 2017. 112 с. (<https://vital.lib.tsu.ru/vital/access/services/Download/vital:5834/SOURCE01>, дата обращения: 2.05.2025.)
8. Лобанова А.С. О некоторых способах грамматического оформления русских лексем в коми-пермяцком языке // Проблемы лингвистического краеведения. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 80-летию доцента кафедры русского языка Клавдии Николаевны Прокошевой. Пермь, 2014. С. 148–153.
9. Лобанова А.С. Лингвокультурологический аспект в изучении метафоризации коми-пермяцких наименований насекомых // Филология в XXI веке. Пермь, № 1. 2018. С. 172–180.
10. Лобанова А.С. Основные способы номинаций насекомых в коми-пермяцком языке // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2013. – Вып. 3(21). С. 48–52
11. Лобанова А.С. О внешней и этнической идентификации средствами языка (на материале наименований локальных этнографических групп коми- пермяков, а также русских, проживающих на территории Коми-Пермяцкого округа) // Ежегодник финно-угорских исследований Т. 13. – 2019. – Вып. 3. – С. 403–409.

12. Лыткин В.И. Историческая грамматика коми языка. Часть первая. Введение. Фонетика. Учебное пособие для высших учебных заведений. – Сыктывкар, 1957. – 135 с.
13. Напольских В.В. Введение в историческую уралоистику. – Ижевск, 1997. – 268 с.
14. ОФУЯ – Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения / отв. ред. В.И. Лыткин, К.Е. Майтинская, Карой Редей. М., «Наука». 1974. – 484 с.

TO THE LANGUAGE OF ANCIENT INHABITANTS OF PERM

Lobanova A.S.^{1,2}

¹*Institute of Humanitarian Research UB RAS*

²*Perm State Humanitarian Pedagogical University*

For citation:

Lobanova A.S. To the language of ancient inhabitants of Perm // Perm Federal Research Center Journal – 2025. – №. 2. – P. 47–56. <https://doi.org/10.7242/2658-705X/2025.2.5>

This review article looks into some aspects of the origin, development and current state of the Komi-Perm language. The paper touches upon the origin of the ethnonym Komi-Perm, shows the sources of penetration of foreign language words into the language under study. The importance of imagery words in labeling sound and associative forms has been determined. The article briefly notes the ways of realizing the representations of space and time by grammatical means of the language: developed case and postpositional systems, grammatical forms of the past tense. The paper presents an attempt to explain how the Komi-Perm language has adapted to the absence of rather ordinary abstract words. Imagery and symbolism actively realized by highly motivated lexemes are demonstrated on the image of a fly (gut), when set expressions and words are perceived by all Komi-Perm language speakers clearly semantically without any comments and clarifications. The development of the modern Komi-Perm language is connected with the tendencies of word reduction, further development of the case system, changes in grammatical forms of adverbs and so on.

Keywords: Komi-Perm language, ethnonym, associative imagery, motivational feature.

Сведения об авторе

Лобанова Алевтина Степановна, кандидат филологических наук, доцент, научный сотрудник Института гуманитарных исследований УрО РАН – филиал Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН («ИГИ УрО РАН»), 614013, Пермский край, г. Пермь, ул. Генкеля, д. 4; доцент кафедры общего языкознания, русского и коми-пермяцкого языков и методики преподавания языков, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (ПГПГУ), 614990, г. Пермь, ул. Сибирская, д. 24; e-mail: lobanova@pspu.ru

Материал поступил в редакцию 04.05.2025